

Самая благородная и сладкая
месть — это прощение.

Пьер Буаст

Бабушка

Похожий сон Дима Свободин видел уже не первый раз, он повторялся неоднократно, а в последние месяцы все чаще и чаще. И этот кошмар, с жутким упорством воспроизводящий события многолетней давности, каждый раз изобиловал массой таких пугающих деталей, которые не были им замечены в тот день, когда все случилось. И это было понятно — трагедия произошла почти семнадцать лет назад, когда ему едва исполнилось пять.

В то время они всей семьей отдыхали на Черном море, в районе Анапы, в частном доме. В их двор часто захаживала бездомная дворняга. С грязной, свалявшейся шерстью, хромающая на заднюю лапу, она бродила по округе и преданно заглядывала каждому встречному в глаза, выпрашивая еду. Местные жители давно привыкли к ней и изредка кидали корку хлеба или кость. Ее все почему-то называли Елкой. Почему именно Елка? Да кто теперь знает. Елка и Елка. Дима тогда про себя решил, что, наверное, это из-за шерсти собаки, которая со временем превратилась в заскорузлый колтун, словно когда-то мягкая шубка внезапно оцетинилась хвойны-

ми колючками. И действительно, однажды, набравшись храбрости и осторожно погладив Елку, он с изумлением ощутил подушечками пальцев загрубевшую шершавую корку.

Маленький Димка тоже подкармливал Елку, тайком, чтобы этого не видели взрослые. Прятал в карман кусок хлеба или половину котлеты и бежал на улицу, высматривая бездомную псину. Елка постепенно тоже привыкла к нему и, потягивая, бежала навстречу, радостно виляя облезлым хвостом. Она быстро и жадно проглатывала угощение, просительно глядела на Диму своими большими слезящимися глазами. В то лето Елка встречала его уже беременной, и Дима, сгорая от нетерпения, ждал, когда наконец на свет появятся щенки.

Но щенки не появились.

Мучивший его навязчивый сон начинался как обычно ровно и безмятежно. Солнечное, теплое утро, на завтрак — душистые аппетитные блины со сметаной и абрикосовым вареньем. Дима тайком прихватывает два блина и торопливо засовывает их в шорты — родители не одобряли его сентиментальные порывы кормить беспризорную живность в округе. Вокруг карманов штанишек проступают жирные пятна, но мальчик не придает значения этим мелочам и спешит на улицу. Пора накормить Елку — она вот-вот должна родить, и ей нужно хорошо кушать!

Он выбегает на дорогу, бросив распахнутой калитку. Собаки нигде нет.

Выкрикивая ее имя, Дима идет искать бедную дворнягу. Странно, куда она подевалась?! Блины в карманах

слиплись, превратившись в бесформенные остывающие комочки.

«Елка, Елка», — зовет он, крутя по сторонам стриженной головой.

Где же она? Он уже дошел до колодца, а дальше начинается асфальтированная дорога, по которой ездят машины и автобусы, и родители строго-настрога запрещали так далеко уходить, но псины все не видно.

«Я только посмотрю, нет ли там собаки, и сразу обратно», — решает мальчик.

Он приближается к трассе и видит, что на пыльной обочине лежит что-то неопределенное, бесформенное, грязное, серо-красное, и *это* мерзкое существо шевелится. Внутри Димы что-то неприятно царапает, словно предвещая беду.

Он напряженно вглядывается и внезапно вздрагивает от всполхнувшей догадки: «Это — Елка!» Собака еще жива, ее трясет как в ознобе. Она судорожно открывает и закрывает пасть, словно ей не хватает воздуха. Голова и передняя часть Елки целая, а вот то, что начинается потом... Белый как мел, Дима неотрывно смотрит на агонию бедного животного.

«Это похоже на кашу. Красную кашу», — возникает у парнишки мысль. И даже много-много дней и месяцев спустя при одном лишь воспоминании об этом перед глазами возникал багровый туман, а живот мальчика скручивали спазмы.

Но это случится потом. А сейчас...

На раскаленном от солнца асфальте виднеется алый блестящий след, и Дима не сразу догадался, что Елку

сбила машина, и она из последних сил отползла на обочину.

Из глотки собаки доносятся какие-то хрипы, и в какой-то безумный миг мальчику чудится, что умирающая собака хочет ему что-то сказать.

Чудовищное зрелище оглушило и раздавило его, никогда ничего подобного за всю свою короткую жизнь Дима не видел. Словно в чужом теле, он неосознанно делает шаг вперед. Он чувствует, будто что-то сдерживает его, как... стальной обруч.

Собака хрипит, ее глаза затуманиваются.

«Елка, — шепчет Дима, чувствуя, как что-то щиплет его глаза. — Елка, Елочка... не умирай, пожалуйста!»

«Дима!»

Он вздрагивает, с ужасом глядя на Елку. Кто зовет его по имени?

«Дима, помоги!»

Стекленеющий взгляд издыхающей собаки гипнотизирует.

«Елка? Это ты мне?» — тихо спрашивает он.

«Помоги, внучок», — уже отчетливо произносит Елка.

Ошарашенный Дима, спотыкаясь на ватных ногах, пятится назад.

«Дима!»

По телу собаки пробегает предсмертная дрожь, и мочевой пузырь Димы опорожняется сам по себе. По бежевым шортикам расплывается темное пятно.

«Меня накажет мама», — отстраненно думает он.

Блины, уже остывшие, до сих пор лежат в карманах. Дима понимает, что Елка уже никогда не поправит эти

блины. Впрочем, как и другие вкусности, которые он всегда приносил этой бездомной собаке...

Глаза застилают слезы, жгучие и прозрачные.

— Дима!

Опоясывающий его стальной обруч разваливается, и он, набрав в воздух легкие, кричит, зажмуриваясь от ужаса...

Он тут же разлепил веки, с гулко стучащим сердцем подскочив на постели. Солнце еще не встало, в комнате царит предрассветный полумрак. Дмитрий коснулся лба, покрытого холодной испариной.

«Бедная Елка. Бедные щенки».

Эта мысль вонзается в его сознание и, мягко рассекая действительность, скользит следом за обрывками жуткого сна, будто увлекаемый ветром пожухлый лист.

— Ди... мочка!

Он вздрогнул, словно получив пощечину. Моргнув несколько раз, чтобы окончательно убедиться, что все происходит наяву. Но этот хриплый, надрывный голос...

— Ди... — снова послышалось откуда-то из коридора.

«Бабушка!»

От этой пронзительной догадки Дмитрия словно обдало жаром. Путаясь в одеяле, он спрыгнул с кровати и бегом кинулся из комнаты.

Маргарита Васильевна лежала в коридоре, рядом с ванной комнатой, и в какие-то доли секунды парню показалось, что это вовсе не бабушка, а умирающая Елка с разорванным животом. Дмитрий упал на колени

перед старой женщиной, с затаенным страхом вглядываясь в ее бледное осунувшееся лицо.

— Димочка, — с усилием проговорила Маргарита Васильевна, невидяще глядя на внука.

— Бабуля, что с тобой? Ты поскользнулась?

Дмитрий прилагал невероятные усилия, чтобы его голос звучал спокойно, но это не очень-то получалось — внутри уже все ходило ходуном от нарастающей паники. Бабушка была в длинной просторной ночной рубашке, и он торопливо поправил ткань, закрывая ее дряблое бедро.

— Я тебе сейчас помогу! Все будет в порядке...

Он обошел лежащую старушку и, присев на корточки, осторожно взял ее под мышки. Но лишь стоило приподнять ее, как из блеклых губ бабушки вырвался протяжный стон. Дмитрий испуганно разжал пальцы.

— Боль... больно, — прошептала Маргарита Васильевна. — Спина...

Дмитрий выпрямился, оглядываясь по сторонам.

— Я вызову «Скорую», — сказал он наконец.

Бабушка молча смотрела на него, и вновь молодой человек подумал, что на него глядит умирающая Елка.

— Спину не чувствую, — чуть слышно пробормотала бабушка. — Ноги... отнялись... я тебя... плохо вижу... Дай руку...

— Сейчас, сейчас, погоди, — заторопился Дмитрий. Он бросился к телефону, на ходу вспоминая, по какому номеру вызывать «Скорую помощь».

«103» — щелкнуло в мозгу, и он, нажав нужные клавиши, с замершим сердцем прижал трубку к уху.

— Пожалуйста, человеку плохо! — заговорил он, услышав безликий голос диспетчера. — Возраст? Восемьдесят семь. Она упала, на полу лежит, что-то с позвоночником!.. Адрес...

Закончив разговор, он повернулся к бабушке.

— Скоро приедут врачи, — сообщил он, стараясь унять дрожь, волнами пробегавшую по всему телу. — Не переживай, тебе обязательно станет легче!

Маргарита Васильевна ничего не ответила. Глаза ее широко раскрылись, дыхание стало kloкочущим, словно она захлебывалась, и Дмитрия охватил отчаянный страх. Что делать в таких случаях?! Перевернуть на живот?

— Димочка... дай... руку, — прохрипела бабушка. Старческая грудь под ночной рубашкой ходила ходуном, страшные хлюпающие звуки, доносящиеся из ее рта, становились громче и отчетливее. Казалось, внутри Маргариты Васильевны что-то лопалось и рвалось. Она с трудом приподняла свою руку, высохшую, с набухшими фиолетовыми венами, и Дмитрий обхватил ее пальцами, поразившись, насколько холодной была ее кожа. Словно вся кровь в сосудах и венах бабушки превратилась в кристаллики льда.

— Прошу тебя, потерпи немножко, — взмолился он. — Скоро все закончится!

Глаза пожилой женщины закатились, пальцы впились в ладонь внука, и Дмитрий почувствовал, как в горле застрял комок.

«Где же «Скорая»? Сколько еще ждать?» — безостановочно крутилась в голове мысль.

Так он и сидел, сжимая холодные пальцы бабушки. И хотя прошло всего несколько минут, Дмитрий был уверен, что как минимум пролетел час.

— Я напомним им, — произнес он, аккуратно высвобождая пальцы. — Я только еще раз позвоню... Они ведь должны быстро приехать... Может, они неправильно записали адрес...

Тело Маргариты Васильевны неожиданно выгнулось дугой, с губ сорвался короткий хрип. Дмитрий побледнел.

— Алло, «Скорая»! Подтвердите вызов, Песчаная улица, дом 12! Человек умирает! — закричал он, уже не сдерживаясь. — Почему так долго?! У нее конвульсии!

Гневно швырнув трубку, он вернулся к бабушке. Клокочущие звуки прекратились, бабушка лежала неподвижно, из полуоткрытого рта выползала пена. Мутнеющие глаза смотрели в потолок.

— Бабушка? — вполголоса позвал Дмитрий, боясь даже подумать, что произошло непоправимое. — Бабушка, я напомним им, они сейчас придут!

Он осторожно коснулся ее руки. Пальцы даже не шевельнулись. И грудь Маргариты Васильевны больше не вздымалась.

— Бабуля, — шепотом позвал Дмитрий.

Тишина. Лишь в бабушкиной комнате слышалось монотонное тиканье настенных часов.

Он медленно протянул руку к морщинистой шее бабушки. Она, в отличие от ее рук, была еще теплой. Несколько минут Дмитрий тщетно пытался нащупать пульс, после чего вспомнил о зеркале. Он быстро поднялся и вошел в комнату бабушки.

«У нее просто приступ, — мысленно успокаивал он себя. — Все процессы замедлились, поэтому я не смог найти пульс...»

«А как насчет пены изо рта? — заговорил внутренний голос. — У нее была агония, и ты это знаешь. Просто боишься признать, что она мертва!»

— Нет! — крикнул Дмитрий и тут же испугался собственного голоса — он прозвучал как вопль обреченного. Схватив с застеленного скатертью стола зеркальце, он ринулся обратно. Затаив дыхание, он поднес его к застывшим губам бабушки. Спустя какое-то время внимательно осмотрел поверхность зеркала. Чисто, не единого пятнышка.

«Парень, у нее уже губы начали синеть», — прошептал все тот же голос, и рука Дмитрия дрогнула, едва не выронив зеркальце.

— Заткнись! — заорал он в пустоту. — Она жива!

Голос умолк, и молодой человек вновь опустил зеркало к губам бабушки. На этот раз он держал его так долго, что пальцы начали трястись. Дмитрий всхлипнул. Положив зеркальце рядом, он с трудом поднялся на непослушных ногах. В висках что-то бухало и грохотало, перед глазами плыл мутный туман, словно он нырнул в грязную воду.

Что делать теперь? Отнести ее в комнату?

Он глубоко вздохнул и затряс головой, пытаясь привести мысли в порядок.

«Нет. Нельзя. Должна прийти полиция, пусть лучше все будет, как есть», — решил он.

Свободин старался не смотреть в лицо покойной, но его взгляд настойчиво, помимо воли, снова и снова

возвращался к ее глазам, которые уже начала затягивать молочная пленка.

— Я накрою тебя простыней, бабуля, — тихо сказал он и на трясущихся ногах направился к шкафу с бельем. Но едва он выдвинул ящик, как в дверь позвонили. Дмитрий медленно выпрямился, глядя в сторону прихожей. С того самого момента, как он возился с зеркалом, у него совершенно вылетела из головы «Скорая помощь», время приезда которой уже превысило все мыслимые и немыслимые нормы. Только какой теперь смысл в этих врачах?!

В дверь снова позвонили, но Дмитрий с нарочитой неспешностью достал из ящика сложенную простыню и, расправив ее, бережно накрыл тело бабушки. Остались видны лишь ее ступни — одна босая, другая в тапочке. Дмитрий хорошо помнил эти пушистые синие тапочки — он сам подарил их бабушке в прошлом году. Родившаяся в деревне в многодетной семье, пережившая блокаду в Ленинграде и всю жизнь проработавшая медсестрой, Маргарита Васильевна знала цену деньгам и всегда трепетно относилась к вещам. Каких трудов Дмитрию стоило уговорить ее выбросить старые, стоптанные до дыр прежние тапочки!..

Зазвонил мобильный телефон, но он даже не взглянул в его сторону, направившись к двери.

«Зашевелились... Видать, врачи «Скорой» на станцию сообщили, а те сюда звонят», — понял он, взясь с замком — в последнее время ригель выдвигался и задвигался с большим трудом, и Дмитрий все собирался заняться им. Наконец внутри замка что-то щелкнуло, и он раздраженно распахнул дверь.

На пороге застыла бригада «Скорой»: мужчина и женщина в синей униформе со светоотражающими полосами. Они выжидающе сурово смотрели на Дмитрия.

— Пять минут под дверью стоим, — недружелюбно заметил мужчина. В его руке покачивался увесистый оранжевый чемоданчик.

— А я вас полчаса жду, — парировал Дмитрий, стараясь держать себя в руках.

— Кому нужна помощь? — вмешалась женщина, и парень посторонился, пропуская врачей в квартиру.

— Уже никому, — вырвалось у него, когда те остановились у тела бабушки.

На некоторое время врачи пришли в замешательство. Затем мужчина присел на корточки, откинул простыню, внимательно разглядывая труп. Женщина что-то спросила шепотом, но тот лишь покачал головой. Прижал ухо к груди старушки, пощупал пульс на шее, и Дмитрий, не выдержав, горько усмехнулся. Достав из кармана тоненький фонарик, врач осветил им в мутные глаза умершей, после чего решительно поднялся на ноги.

— Она только что умерла? — спросил он после паузы, и Дмитрий подумал, что это самый идиотский вопрос, который ему приходилось слышать. Даже если она умерла не только что, а час назад, это что-то изменит? Как в том дурацком анекдоте: «А больной перед смертью потел? — Да! — Это хорошо...»

— Она скончалась минут двадцать назад. Если бы вы приехали как положено, ее можно было бы спасти.

— Мы приехали, как только получили вызов, — возразила женщина, и в ее усталом голосе прозвучала

обида человека, часто подвергаемого несправедливым обвинениям. — Неужели вы считаете, что мы специально ждали? Или просто катались по улицам с мигалкой?

— Лена, брось, — обронил врач, убирая фонарик в карман. — Не оправдывайся.

Дмитрий едва не задохнулся от возмущения. Не оправдываться?! Он не ослушался?!

С его губ уже была готова сорваться гневная реплика, но что-то удержало его, и он лишь с силой стиснул зубы.

Тем временем врач по телефону вызывал перевозку, называемую часто просто «труповозкой». После этого вызвал полицию, сообщив о происшедшем. Продиктовав дежурному адрес, он взглянул на Дмитрия, который дрожал, как натянутая струна. Его пальцы судорожно сжимались и разжимались, как у бойца, вот-вот готового ринуться в схватку.

— Остынь, парень, — обронил врач. — Даже если мы были бы здесь, когда с ней произошел приступ, мы не смогли бы спасти ее. Судя по всему, у твоей родственницы обширный инфаркт. Да и не молоденькая она уже, прямо скажем.

— Вы должны были приехать раньше, — тихо повторил Дмитрий.

Врачи переглянулись.

— Ладно, нам тут делать нечего, — подытожил мужчина, поднимая чемоданчик. — Приготовь паспорт своей родственницы. И будь осторожен с ритуальными агентами — они сейчас сюда слетятся, только и будешь успевать отбиваться.

— Агенты? Да... — машинально проговорил Дмитрий.

Врачи вновь обменялись взглядами.

— Может, вам укол сделать? — неуверенно предложила женщина. — Успокаивающий. Мы все понимаем, вы...

— Уходите, — с усилием выдавил Свободин, не глядя на них.

Помедлив, медики молча вышли из квартиры, прикрыв за собой дверь.

Все сам

Несколько минут он стоял в коридоре в полной неподвижности, неотрывно глядя на мертвое тело бабушки. И с каждым ударом растревоженного сердца в нем росла горечь, разливаясь внутри ядовитым желчным озером.

«Надо было попросить, чтобы помогли перенести ее на кровать, — пронеслась запоздалая мысль. — Она здесь лежит, как старый, затертый до дыр, ненужный фартук».

А вообще, плевать на всех! Он сам отнесет свою бабулю в комнату.

Вновь проснулся внутренний голос, намекая на то, что до визита полицейского лучше оставить все как есть, но его вторая половина упорно игнорировала эти советы.

Дмитрий отволол безвольное тело бабушки к кровати и, кряхтя от натуги, перетащил на смятую постель. Вытирая взмокший лоб, он неожиданно заметил новенькие наборы красок и фломастеров, лежащих на разохшейся

от времени тумбочке. Там же лежали альбомы для рисования. Все это Маргарита Васильевна приготовила для Вики, его младшей сестры. И хотя Дмитрий пытался отговорить бабушку от лишних трат, та была непреклонна.

«Я хочу порадовать Викулю, она же очень любит рисовать, — сказала она, пряча в альбом конверт. — Ей будет приятно. Тем более девочка без троек закончила учебный год...»

Дмитрий шагнул вперед и, взяв альбом, извлек конверт. Заглянул внутрь, увидел тысячную купюру. Сглотнул подступивший комок. Как бы тяжело ей ни было, бабушка всегда находила возможность подкинуть лишнюю денежку и Вике, и ему, даже когда он устроился на работу и обрел относительную финансовую независимость. На все его вялые возражения она неизменно отвечала:

«Вот станешь большим начальником, тогда будешь помогать мне. А пока чем могу — я тебе помогу».

Парень снова вздохнул. Только сейчас в сознании медленно, с неохотой начало вырисовываться понимание происшедшего. Бабушки больше нет. Нет, и больше никогда не будет. Никогда не будет... От этого зловещего словосочетания словно повеяло могильным холодом, и Дмитрий поежился.

Больше никогда она его не обнимет своими натруженными грубоватыми руками, не приготовит ароматных пирожков с капустой. Да, ей шел восемьдесят восьмой год, она часто жаловалась на высокое давление и сердце, и тем не менее... Лишь теперь Дмитрий понял, как много значила для него эта славная и тихая старушка.

Именно бабушка позвала внука жить к себе после его очередной крупной ссоры с отчимом. И это был самый лучший, спасительный и, пожалуй, единственный выход в сложившихся обстоятельствах — денег на съемное жилье у него не было, а продолжать жить в одних стенах с ненавистным отчимом и матерью, которая почти никогда не проявляла к нему интереса, уже было невозможно.

Бабушка никогда не устраивала скандалов, не читала морали с поджатými губами: «А вот в наше время...», она всегда внимательно слушала его, изредка высказывая свое мнение. Единственный недостаток — она часто ворчала, если он, уходя, забывал ей вовремя звонить, но это было вполне объяснимо — она просто волновалась, когда Дмитрия долго не было, и никогда не ложилась спать, пока тот не заявится домой.

Он стоял, слушая равнодушное тиканье часов и глухой стук собственного сердца. Внезапно у него возникло ощущение, что со смертью бабушки его собственное сердце стало меньше и слабее. Будто вместе с ее уходом безвозвратно и незаметно улетучилась часть его самого...

Вскоре раздался звонок. И полицейский, и санитары труповозки прибыли одновременно. Участковый представлял собой худощавого мужчину с хмурым лицом, лет тридцати, на котором служебный китель с лейтенантскими погонами болтался как тряпка на швабре. Казалось, он так торопился на вызов, что впопыхах облачился в чужую форму.

Мельком взглянув на тело покойной, он бросил санитарам: «Упаковывайте», а сам жестом показал Дмитрию,

чтобы тот шел на кухню. Бесцеремонно расположившись за столом, участковый вынул из планшета бланк протокола и принялся его заполнять.

Дмитрий встал у окна. Скрестив на груди руки, он с нескрываемой неприязнью наблюдал за полицейским. В мозгу гротескной каруселью крутилась пренебрежительно брошенная лейтенантом фраза — «упаковывайте».

Вот же подонок! Это что ему, посылка какая-нибудь?! Или они там все такие в полиции, бездушные служаки?!

— Как фамилия потерпевшей? — нарушил молчание участковый, при этом не отрываясь от писанины.

— Шлангина.

«Разве она потерпевшая? — подумал про себя Дмитрий. — Вроде ее никто не убивал. Она просто умерла!»

— Лекарства какие-нибудь принимала? — задал очередной вопрос лейтенант.

— Конечно. Ей восемьдесят семь лет, любой человек в ее возрасте принимает лекарства, — заметил парень и в доказательство своих слов указал на подоконник, где виднелись шеренги пузырьков и коробочки с таблетками.

— Это как посмотреть, — невозмутимо возразил полицейский. — Моя прабабушка, например, в деревне всю жизнь прожила, ни разу к врачу не ходила. Дожила до ста четырех лет. И лекарств не признавала. Не то, что городские...

— Она пережила ленинградскую блокаду, — глухо произнес Дмитрий.

Лейтенант даже ухом не повел, и это равнодушие подхлестнуло гнев Свободина еще больше. Он уже начинал ненавидеть не только его, но и его сточетырехлетнюю прабабушку, которая, по сути, была вообще ни в чем не повинна.

— Твой паспорт, — сказал участковый, оторвав глаза от протокола. — И военный билет, — добавил он.

Помедлив, Свободин принес документы из комнаты, и полицейский принялся листать паспорт.

— Почему не по месту регистрации живешь? — поинтересовался он.

— Просто живу, и все, — ответил Дмитрий. — Разве запрещено жить у родной бабушки?

Участковый не удостоил его ответом, переключившись на справку из военкомата.

— Не служил? — уточнил он, и Дмитрию показалось, что в голосе лейтенанта скользнули пренебрежительно-злорадные нотки.

— Нет, — сдержанно ответил он.

Холодный взор бесцветных глаз полицейского остановился на запястьях Свободина, на котором белело несколько параллельных шрамов.

— Ты что, из этих, что ли? — усмехнулся он, жестом имитируя пилящие движения. — Депрессушник? Уклонист?

— Послушайте, вы пришли моей бабушкой заниматься? — не выдержал Дмитрий. — Или моей личной жизнью?!

— Я, гражданин Свободин, участковый уполномоченный полиции вашего района, — отчеканил лейтенант, и в его невыразительных глазах заискрились угрожающие

огоньки. — И в мои обязанности входит контроль соблюдения законности на вверенном мне участке.

— И что, я совершил какой-то проступок?!

Полицейский смерил его полупрезрительным взглядом, и Дмитрий неосознанно подумал, что так смотрят на помойного кота, выскивающего пропитание на мусорной куче.

— Она ваша бабушка по матери? — уточнил участковый.

— По отцу.

— А почему отец с ней не жил? Не ухаживал?

— Отец давно умер.

— Ну, тогда мать бы ваша могла... Молодой парень, а живет с бабушкой, регистрация другая, — неторопливо рассуждал лейтенант. — Квартира у бабули хорошая, двушка с балконом. Похоже, наследников, кроме вас, больше нет? То есть квартира перейдет теперь вам?

— Не знаю. Я об этом не думал.

Полицейский недоверчиво усмехнулся.

— Ну да, конечно. Я так сразу и поверил... Тут еще надо разобраться. Как-то все очень складно получается...

— В чем разобраться? — не понял Дмитрий.

— Не было ли каких-нибудь действий с вашей стороны, которые бы стали причиной... — и он кивнул в сторону работающих санитаров.

Дмитрий даже рот от изумления приоткрыл. Выстроенная участковым логическая цепочка убивала наповал своей бесцеремонной простотой.

— Вы... вы намекаете, что я... — слова давались ему с трудом, застревая в глотке как сухие корки хлеба. — Вы думаете, что я уби...

— Я ничего не думаю, — оборвал его лейтенант. — Я оперирую фактами и делаю выводы. И, как говорят в простонародье, что-то у меня не вытанцовывается танго. Вообще, лицо мне твое знакомым кажется. Ты уж не обижайся, но я сверю тебя по нашим ориентировкам.

С этими словами он, вынув из кителя смартфон, сфотографировал Дмитрия, переписал в свой блокнот данные его паспорта, после чего показал, где расписаться в протоколе.

— Возможно, еще увидимся, — сказал он напоследок.

Дмитрий внезапно подумал, что испытал бы удовольствие, ударив молотком по голове этого мерзавца в мешковатой форме. Воображение мгновенно нарисовало картину смерти полицейского, и она была настолько реалистичной, что ему сделалось не по себе. Нет, второй труп за утро в квартире его точно свел бы с ума. Дима тяжело прикрыл глаза.

Когда въедливый участковый ушел, Дмитрий вернулся в комнату. И замер — бабушки на кровати не было. Он посмотрел вниз, увидел на полу черный прямоугольный мешок с закругленным верхом.

— Лифт есть грузовой? — спросил санитар, тучный лысеющий мужчина.

Дмитрий покачал головой.

— Уже полгода не работает, — сказал он, не отрывая взора от этого жуткого мешка.

«Интересно, почему бы не сделать эти мешки белого цвета? Или хотя бы бежевого?»

— Командир, ты на девятом этаже живешь, — подал голос второй санитар, который даже во время разговора беспрестанно чавкал жевательной резинкой. — Как спускать будем? Мы не грузчики. Я, к примеру, вообще за рулем должен сидеть, а не таскать «жмуриков».

Дмитрий заторможенно посмотрел на него.

— Я могу помочь, — неуверенно предложил он.

Пухлый фельдшер ухмыльнулся.

— Только мешать будешь. Ладно, выносим.

Они подхватили мешок и гуськом двинулись к выходу.

Свободин, словно во сне, побрел следом.

У лестницы санитары остановились.

— Командир, вообще такие вещи не бесплатно делаются, — напомнил водитель труповозки, надувая из жвачки пузырь. Почесав угреватый нос, он добавил: — Все-таки бабуля твоя. Неужели жалко пару штук?

Дмитрий машинально похлопал себя по карманам.

— У меня всего триста рублей, — признался он. — Зарплата только в конце недели.

— А бабулина заначка? — спросил фельдшер. — Бабушки бережливые.

К голове Дмитрия прилила кровь, виски сдавило. Ему казалось, что все происходящее не что иное, как кошмар. О чем они говорят?! На что намекают?! Чтобы он сейчас начал шарить по полкам в поисках бабушкиных сбережений?!

— У нас нет денег, — только и смог выдавить он.

Мужчины одновременно посмотрели на темнеющие ступеньки.

— Тогда волоком потащим, командир, — предупредил водитель. — Не обессудь.

Сплюнув жвачку в лестничный пролет, он уже ухватился за край мешка, как Дмитрий вскрикнул:

— Пойдите! Нет, не надо так!

Перед глазами тут же мелькнули ужасающе дикие кадры, как тело бабушки тащат вниз, словно тюк с грязным бельем, ее голова с жутким стуком ударяется о заплывающие ступеньки, и его затошнило. Нет, он лучше сам умрет здесь, но не допустит этого!

— Что, помочь хочешь? — любопытствовал фельдшер. — Мы ж толкуем, тут вдвоем не развернуться... Вот если бы ты мотивировал, то...

— Я сам, — сказал Дмитрий и облизал пересохшие губы. — Только... помогите мне... положите ее на плечо.

Санитары переглянулись. Потом посмотрели на Дмитрия, и тот понял, что в их глазах он выглядит умалишенным.

— Смотри, командир, никто тебя не заставляет, — пожал плечами второй санитар. — Еще спину надорвешь!

Они помогли Дмитрию взвалить мешок на правое плечо, и тот, согнувшись вдвое, с трудом двинулся вперед. Санитары после короткого замешательства пошли за ним, перешептываясь и хихикая.

Он плохо помнил, как вышел из подъезда. Едкий пот заливал багровое от натуги лицо и выжигал глаза, грудь ходила ходуном, сердце вот-вот было готово выскочить наружу. Как в тумане, шатающейся походкой он приблизился к белой «Газели» с эмблемой красного креста, припаркованной у подъезда.

— Ну, командир, ты даешь, — услышал он над ухом голос санитара. Похоже, в нем даже сквозило уважение.

Плевать. Теперь на все плевать.

— Давай, дальше мы сами, — раздался голос другого. — А ты, парень, ищи деньги. Никто за бесплатно хоронить твою бабулю не станет. Утилизируют, как отходы, и все.

Когда мешок с телом бабушки загрузили в труповозку, Дмитрий обессиленно сел прямо на асфальт.

Проснувшееся солнце только-только показалось из-за верхушек деревьев, плотно обступивших их дом.

Рекламные буклеты

Телефонный звонок раздался сразу, как только он вернулся в опустевшую квартиру.

«Вот они. Ритуальные агенты», — подумал Свободин, шагая на кухню, где оставил смартфон. Однако он ошибался — звонили с работы.

Борис, руководитель рабочей группы, занимающейся распространением рекламных буклетов у станций метро, был вне себя от ярости:

— Ты где?! — заорал он в трубку.

— Борис, я...

— Это уже четвертый раз, баран! — продолжал распалиться Борис. — А меня из-за тебя премии лишат! Ты уже час как должен стоять на точке!

Дмитрий прикрыл веки, прилагая огромные усилия, чтобы не сорваться и не послать куда подальше своего истеричного начальника.

— У меня умерла бабушка. Сегодня утром, — произнес он, когда Борис умолк, чтобы перевести дух.

На какое-то время в трубке повисла напряженная пауза, и Дмитрий представил, с какой физиономией его начальник переваривает эту информацию. Спустя несколько секунд тот заговорил:

— В прошлый раз ты сидел с больной сестренкой. В позапрошлый был еще какой-то геморрой. А теперь бабушка. Фильм «Берегись автомобиля» смотрел? «Видите ли, у Деточкина много болезненных родственников по всему Советскому Союзу, и он их всех навещает!»

— Я говорю правду, — сдержанно произнес Свободин.

— И что мне теперь делать? — рявкнул Борис. — Царство небесное твоей бабушке! Или ты там поминки уже устраиваешь? Вызывай специальные службы и бегом на работу! Никто за тебя ее делать не будет, лентяй!

— Борис... Но ведь... — Свободин медлил, пытаясь правильно сформулировать мысль. — Когда умирает родственник, полагается отпуск на пару дней. Я слышал, так положено! И еще, могу ли я получить аванс? Сами понимаете, сейчас будут нужны деньги на похоронные расходы!

Смех Бориса напоминал хрюканье.

— Ага, шаз, — процедил он. — Бегу и тапки на ходу теряю. А обо мне кто подумает? Что у меня ипотека просрочена? Что у отца онкология? Могу продолжить! Так что заткни варежку, Свободин, и марш на точку!!

Разговор резко оборвался, и Дмитрий едва сдержался, чтобы не запустить телефон в стену.

Его распирали жгучая обида, которую быстро вытеснила яростная злоба.

— Видал я в гробу твою ипотеку! — выкрикнул он, глядя в стену с отслаивающимися обоями. — Понял, тварь?

«Борис точно так же видал в гробу твои проблемы, — хихикнул внутренний голос. — Каждый сам за себя, дружок».

Размахнувшись, Дмитрий ударил кулаком в стену. Костяшки пальцев обожгло острой болью, и он выругался.

А ведь это правда.

«Нам всем плевать друг на друга. Плевать, пока проблема не коснется тебя лично», — угрюмо подумал он.

В ванной он смочил ноющие от боли пальцы ледяной водой, потом вернулся за телефоном. Нужно позвонить матери и сообщить о смерти бабушки. Дмитрий знал, что бабушка и мама не особо ладили, но он попросту не представлял, кому еще можно звонить. Других родственников бабушки он не знал, а с отчимом не общался принципиально.

Однако телефон мамы молчал. Повторный звонок через пять минут тоже не принес ничего нового.

— Ты-то куда подевалась? — проворчал Дмитрий, окончательно растерявшись.

Поразмыслив, он написал матери сообщение и собирался на работу. Только в лифте Свободин вспомнил, что даже не позавтракал. Впрочем, голода он не чувствовал и сомневался, что после утренних событий в его горло полезет хоть какая-то еда.

Забрав из офиса рекламные буклеты, Дмитрий отправился на точку. На этот раз местом раздачи рекламных флаеров была станция метро «Октябрьское поле». К тому времени небо сизым покрывалом заволокли плотные тучи.

— ...только сегодня, акция, — бормотал он, протягивая рекламный листок. — ...десять процентов на все товары...

Прохожие старательно обходили Дмитрия, даже не глядя в его сторону.

— ...последняя коллекция... приготовьтесь к зиме заранее, — продолжал он заученно бубнить, — ...не упустите... самые дешевые шубы в Москве... если найдете дешевле, мы заплатим разницу...

Стройная женщина в обтягивающем платье наконец обратила внимание на Дмитрия и легким жестом выхватила буклет из его пальцев. Заинтересованно взглянула на рекламу и фыркнула, подняв глаза:

— Молодой человек, какие шубы?! Вы что рекламируете? Это ведь натяжные потолки!

Дмитрий перестал бормотать, недоуменно уставившись на прохожую. Снисходительно качнув головой, женщина демонстративно смяла рекламный листок и зацокала каблучками к подземному переходу. Смятый флаер полетел в урну, но не попал в нее, пролетев мимо.

— Натяжные потолки, — заторможенно повторил Свободин и посмотрел на буклет. Действительно. Шубы были вчера.

Он потер глаза, судорожно вздохнув. Как он ни старался, из головы не выходил посмертный образ бабуш-

ки. Ее тускнеющие глаза, сухие, заострившиеся черты лица, тонкие холодные пальцы...

Подул сильный ветер, поднимая пыль. Скомканный буклет, выброшенный женщиной, покатился по асфальту, словно перекаати-поле.

— потолки... выезд замерщика... — с трудом выговорил Дмитрий. Навстречу шли две юные девочки-подростки, о чем-то оживленно болтая, и он шагнул им навстречу, держа перед собой флаер. Девочки замерли в нерешительности и, мельком глянув в бледное, напряженное лицо молодого человека, проворно шмыгнули мимо.

Дмитрий горько усмехнулся.

«От тебя все шарахаются, — шепнул внутренний голос. — Ты хоть в зеркало глянул, когда на улицу выходил? Ты похож на привидение!»

Дмитрий заставил себя улыбнуться (первое правило раздатчика рекламы), про себя догадываясь, что гримаса на его лице мало что имеет общего с улыбкой и, скорее, еще больше оттолкнет от него потенциальных клиентов.

Кто-то сильно толкнул его в плечо, и он раздраженно обернулся. Мимо не спеша прошествовал приземистый мужчина в бейсболке, мускулистые руки которого были покрыты цветными татуировками.

— Поосторожней, — сделал он замечание, а прохожий бросил, не оборачиваясь:

— Иди на хрен, лузер.

В мозгу что-то резко щелкнуло, и на одно мгновение Дмитрий представил, как бы выглядел этот накачанный хам с дулом пистолета у виска. Наверное, он уже не

был бы таким самоуверенным и наглым. Одно движение пальцем, приводящее в действие спусковой механизм, и содержимое черепа этого разрисованного придурка вылетело бы наружу. Вместе с кепкой.

И опять. Образ расправы над мужчиной, который в настоящий момент направлялся к автобусной остановке и ни о чем таком не подозревал, был таким ярким и четким, что Дмитрий даже зажмурился, стараясь вытеснить его из сознания.

Когда он наконец разлепил веки, стал накрапывать дождик. С унылым видом Свободин посмотрел на стопку флаеров в руке. За полчаса он смог всучить всего один, который тут же выбросили, и его в неизвестном направлении унес ветер.

— И это называется работа? — вслух проговорил он, разложив листки веером, словно картежник карты. Они тут же покрылись крошечными капельками дождя. — Дерьмо все это.

Он напрягся, услышав, как завибрировал в кармане мобильник. Высветившийся на экране номер был ему не знаком. Выждав паузу, Дмитрий все же нажал на прием вызова.

— Алло? — бесцветно спросил он.

— Здравствуйте, Дмитрий, — бодро заговорил незнакомый голос. — Меня зовут Илья, я менеджер агентства «Ритуал-сервис». Примите мои искренние соболезнования по поводу кончины вашей родственницы...

— Это моя бабушка, — тихо сказал Дмитрий. — Она меня очень любила.

Дождь усиливался, но он продолжал стоять на месте, словно вкопанный в землю столб.

— ...наша компания давно и хорошо зарекомендовала себя на рынке ритуальных услуг, — продолжал тараторить агент, будто и не слыша Дмитрия. — Наш прейскурант значительно ниже, чем у других организаций в этой сфере... я подъеду в течение ближайшего часа...

— Я сейчас не дома, — остановил этот словесный поток Свободин. — И... — он замялся, словно смутившись слов, которые намеревался произнести. — У нас пока нет денег на похороны.

Какое-то время в трубке молчали, потом менеджер «Ритуал-сервис» вновь подал голос:

— Давайте я подъеду, и мы все обговорим на месте. Мы взаимодействуем с рядом известных банков, которые быстро и без проволочек выдают кредиты. Уверен, как только вы увидите наш прейскурант...

— Я сам позвоню вам, — перебил его Дмитрий и сбросил звонок навязчивого агента.

Рекламные буклеты уже окончательно намокли, быстро разбухнув от влаги, и он, шагнув к урне, брезгливо швырнул туда всю пачку.

Телефон снова зазвонил, но Свободин даже не стал отвечать.

Зайдя в вестибюль подземного перехода, он направился к турникетам метро.

Свой чужак

Спустя час Дмитрий нерешительно топтался у подъезда дома, который еще недавно считал своим. До тех самых пор, пока непримиримые и принципиальные

разногласия с отчимом не вынудили его переселиться к бабушке.

Он еще раз набрал мать, но ее телефон продолжал хранить упорное молчание, и это становилось невыносимым. Почему именно сейчас, когда она так нужна, до нее нельзя дозвониться?!

Попробовать подняться наверх? Но в квартире мог быть Михаил Викторович, которого Дмитрий на дух не переносил (впрочем, это было взаимное чувство), и парень все же не оставлял надежды выйти на связь с матерью.

«Вика», — неожиданно сверкнуло в голове.

Точно, ведь у него есть номер сестры! Уж она точно сможет прояснить ситуацию!

Дмитрий тут же набрал Вику. Она ответила сразу же после первого гудка, пояснив, что гуляет на улице, и пообещала подойти через несколько минут.

Пока он разговаривал с сестрой, ему вновь кто-то пытался дозвониться, но Дмитрий не стал перезванивать.

«Очередной похоронный агент», — решил он.

Наконец за припаркованными машинами мелькнула светловолосая головка с жидким хвостиком, и Дмитрий встрепенулся. Наконец-то!

К подъезду на самокате подкатила худенькая девочка десяти лет в голубом сарафане.

— Привет, Дима! — улыбнулась она, блеснув белыми зубками. — А дома никого нет!

— Привет. Поэтому я сюда пришел. Где мама? — сразу перешел к делу Дмитрий.

Вика слезла с самоката.

— Она вчера к тете Лиде уехала. В этот, как его...

— В Зеленоград? — подсказал Свободин.

Девочка оживленно кивнула, махнув пшеничным хвостиком.

— Все время забываю, — призналась она. — Да, Зеленоград.

— А что случилось?

— Тетя Лида ногу сломала. Ну, и мама с работы отпросилась, к ней поехала помогать, — сообщила Вика.

Дмитрий помолчал, осмысливая услышанное. Тетя Лида была старшей сестрой матери, жила одна, постоянно болела и при каждом удобном случае намекала родне, что ей не уделяют должного внимания. Может, там и не было никакого перелома, просто очередное обострение из серии «я никому не нужна».

— А где этот? — спросил Дмитрий, многозначительно указав пальцем вверх. Вика поняла его с полуслова.

— Дядя Миша на работе.

Она нетерпеливо поглядывала в сторону, где стайкой собралась дворовая ребятня. Наконец Дмитрий решился. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно беспечней, он спросил:

— Вика, у тебя же есть ключ? Дай мне его ненадолго.

Девочка с готовностью кивнула, но в следующую секунду в ее глазах мелькнула неуверенность.

— Дима, а дядя Миша мне запретил тебе ключи давать...

«Вот гадина», — пронеслась у парня мысль, но он непринужденно улыбнулся:

— Да я знаю, что не разрешает. Он меня терпеть не может. Но я ведь твой брат, правильно?

— Правильно.

— И мы любим друг друга. Мне нужно всего на десять минут кое-что забрать из своих вещей. А дяде Мише мы ничего не скажем, хорошо? Ты ведь не выдашь меня?

Подумав, Вика кивнула.

— Не скажу, — пообещала она и, вытащив из кармана ключ, передала его брату. — Дима... — она на мгновение замялась в нерешительности, — а ты к нам вернешься?

Свободин, уже намереваясь зайти в подъезд, замер. Он не ожидал этого прямолинейного вопроса от сестры.

— А ты этого хочешь? — тихо спросил он.

— Я — да, — ответила она, и ее распахнутые глаза не оставляли сомнения в искренности.

— Ты — понятно, — усмехнулся Дмитрий, крутя пальцами прицепленный к ключу брелок в виде замусоленного резинового медвежонка. — А мама?

— Мама тоже, наверное.

«Наверное, — мысленно повторил за сестрой Свободин. — Неудивительно».

— А про дядю Мишу я даже не спрашиваю, — продолжал Дмитрий. — Он что-нибудь говорил обо мне?

Вика потупила взгляд, делая вид, что больше всего в настоящий момент ее интересуют собственные кроссовки, не блиставшие чистотой.

— Ну, говори, — подбодрил Свободин сестру.

Девочка вздохнула.

— Он сказал, что ты козел, — вполголоса произнесла она, глядя в сторону. — И... неудачник.

«Что ж, по крайней мере, это честно», — хихикнул внутренний голос.

Дмитрий с трудом заставил себя улыбнуться.

— Он просто сам очень неумный человек, этот дядя Миша. Ты понимаешь?

— Ага.

— Кстати, а ты почему не в школе?

— А нас раньше отпустили, все равно скоро каникулы, — объяснила Вика.

— Ладно, беги. А твои ключи я скоро обратно вынесу.

Вику словно ветром сдуло. Дима открыл массивную дверь подъезда и вошел внутрь.

«Куда и зачем ты поперся? — неожиданно заинтересовался все тот же ехидный голос. — За деньгами на похороны бабули? Ты хоть подумал о том, что будет потом, когда ты их найдешь и заберешь из дома?!»

В ожидании лифта Дмитрий нервно крутил в руках ключ. Доля справедливости в этом была, никто не погладит его по голове, если он возьмет чужие деньги.

«Ты их, по сути, украдешь», — продолжал вещать голос, и Дмитрий не выдержал:

— Заткнись! Я иду к себе домой! Я открою эту хренову дверь и войду в свою квартиру! И я сам разберусь, как мне поступать!

Последняя фраза была едва ли не криком, и в этот самый момент двери лифта бесшумно открылись. Сто-

ящий на лестничной площадке подросток с рыжей корги на поводке изумленно уставился на него. Дмитрий торопливо вышел из лифта, и паренек в испуге отпрянул.

«Все будет хорошо, — стучало у него в голове. — Я предупрежу маму. Ведь когда-нибудь она возьмет трубку? В крайнем случае, напишу ей сообщение о том, что взял у них денег взаймы. Она поймет».

Он тяжело ввалился в квартиру и, прислонившись к стенке, устало прикрыл веки. Лишь через пару минут, взяв себя в руки, Дмитрий приступил к поискам.

Вскоре его ждало очередное болезненное разочарование — денег в квартире не было. Во всяком случае, он их не обнаружил, тщательно исследуя все возможные места, где они могли бы храниться.

«А что ты хотел? — осторожно полюбопытствовал голос. — Нормальные люди давно перестали хранить деньги дома. Все сбережения сейчас в банке, на картах...»

Дмитрий прерывисто вздохнул. И с этим тоже трудно поспорить... И тем не менее он продолжил поиски.

Заглянув в свою комнату, Дмитрий не смог сдержать грустной усмешки — он едва узнал ее. С тех пор как он съехал отсюда, в комнате сделали ремонт, после чего поменяли мебель. Теперь она больше напоминала гостевой номер в отеле, нежели его уютную комнатку, где он провел свое детство и юность...

Свободин вернулся в холл, открыв шкаф-купе. В глаза тут же бросился высоченный стальной сейф, вмонтированный в стену.

«Отчим увлекался охотой, — вспомнил он, разглядывая большой прямоугольный ящик. — Там внутри оружие. Но... а вдруг? Сейф на то и сейф, чтобы хранить в нем ценности!»

С этими мыслями Дмитрий вернулся в гостиную, возобновив обыск. Наконец в одном из ящиков комода, среди документов, он обнаружил жестяную коробочку из-под пневматических пульек, перетянутую канцелярской резинкой. Внутри что-то гремело, и он, сорвав резинку, открыл коробочку. Наружу выпало два крошечных ключа.

Окрыленный надеждой, Дмитрий кинулся обратно к сейфу.

Ключ подошел. Но на этом его везение закончилось — внутри стального ящика были лишь два ружья и коробки с патронами. Никаких денег там не было и в помине, и Дмитрий, оглушенный неудачей, сел прямо на пол. Черные стволы матово поблескивали, то и дело притягивая его унылый взор.

Резко и пронзительно зазвонил его телефон, и он дернулся от неожиданности, разозлившись сам на себя из-за столь неадекватной реакции. Вытащив сотовый из кармана, Дмитрий с облегчением выдохнул — звонила мама.

Торопясь и пытаясь не упустить из виду важное, он рассказал ей о смерти бабушки. Когда Свободин закончил, мама некоторое время молчала, и ему даже показалось, что связь давно пропала и все его слова улетели в пустоту, но тут она подала голос:

— Это ужасно, Дима. Но ты ведь сказал, что бабушку уже увезли в морг. Верно?

- Верно.
- Значит, основное дело сделано. Не волнуйся.
- То есть как это, «не волнуйся»? — не понял Дмитрий. — Бабушка умерла! И, по-моему, все только начинается!
- Сынок, послушай...
- Вы никогда ее не любили! А сейчас все сразу так свалилось! Надо решать вопрос с похоронами! Получить документы о смерти и еще много чего! Ты как-то говорила, что на кладбище было даже свободное место...
- Дима, мне сейчас совершенно некогда этим заниматься, — прервала его мама. — У моей сестры двойной перелом, сегодня я нужна здесь. Приеду вечером и поговорим.
- Мне звонят агенты из ритуальных служб, — начал закипать Дмитрий. — Нужно что-то делать! Я готов заняться похоронами, но мне нужны деньги!
- Неужели бабушка ничего не накопила?
- У него потемнело в глазах.
- О чем ты говоришь, мама? — хрипло спросил Дмитрий. — Какие накопления? Ее пенсии едва хватало на коммунальные услуги и еду! Вон, на последние копейки купила Вике фломастеры!
- Дима, я тебя плохо слышу.
- Я говорю, что нет у бабушки никаких сбережений! — завопил он, окончательно выходя из себя.
- Не кричи, я тебя слышу, — с присущим ей хладнокровием отозвалась мама. — Послушай, надо обратиться в собес. Там должны рассказать, как все делать. У них есть специалисты, которые дадут тебе подроб-

ную инструкцию, как и что делать. Кстати, похоронить человека можно за государственный счет. Конечно, все будет очень скромно, но когда других вариантов нет...

— Я вам все верну, — сквозь зубы проговорил Дмитрий. — Одолжи мне хоть пятьдесят тысяч. Я знаю, что у вас есть деньги.

— Деньгами в нашей семье занимается Михаил Викторович. Но, боюсь, в этой ситуации это не вариант. Хотя...

— Что «хотя»?!

Перед глазами вновь начало все расплываться, и на несколько секунд он вовсе их закрыл.

— Я позвоню ему, — смягчилась мама. — Так и быть. Только тебе придется прийти к нему лично. Заодно извинишься за свое поведение. В ту последнюю встречу ты вел себя отвратительно.

— Пусть он просто переведет деньги на карту, — высказал предложение Дмитрий, но мама была непробиваема, как скала.

— Вы должны помириться. Я звоню Михаилу и прошу тебе помочь в твоем вопросе, а ты идешь с ним на контакт. Вы должны с ним помириться. Таково мое условие.

«В твоем вопросе», — эхом прозвучали в сознании слова матери.

«Значит, смерть моей бабушки — всего лишь мой вопрос? Который касается исключительно меня?!»

Свободин медленно поднялся на ноги.

— Хорошо, — приглушенным голосом отозвался он. — Я пойду к нему на поклон. Ради памяти моей

бабушки. — Он нарочито сделал ударение на слове «МОЕЙ». Раз это «его вопрос», тогда и бабушка только его!

— Вот и замечательно, — обрадовалась мама, не замечая его акцентов и раздражения. — Я считаю, что это ненормальная ситуация, когда...

Но закончить, что, по ее мнению, являлось ненормальной ситуацией, мама не успела, так как Дмитрий уже нажал на сброс.

Теперь его путь лежал к отчиму. Человеку, которого он не выносил всем своим естеством, и если бы не чрезвычайные обстоятельства, он лучше бы сунулся в змеиное гнездо, нежели отправился бы в гости к Михаилу Викторовичу.

Предстоящая лекция

Он привычным движением пробежался пальцами по панели управления, задавая режим беговой дорожке, и на экране вспыхнули нужные цифры. Мерно заработал электромотор, приводя в действие беговое полотно, и мужчина мягко шагнул на него, постепенно ускоряя шаг. Пять минут ходьбы, переходящей в бег, затем максимальное ускорение, и снова размеренный шаг.

Он взял пульт, лежащий на панели управления, и включил прикрепленный к стене плоский телевизор. На широченном экране мгновенно замерцала картинка идущих в школу нарядных детей с цветами.

— «...как заявил министр просвещения, в этом году более сорока тысяч школ страны выпускают своих по-

допечных... сегодня, двадцать пятого мая, для многих ребят, стоящих на пороге новой жизни, прозвучит последний звонок...» — радостно щебетал голос дикторши.

«...конечно, мы все волнуемся... я планирую поступать в институт имени Баумана, — выпускник, произнесший эти слова, слегка смущенный вниманием прессы, тут же добавил: — Но я много занимался и уверен в своих силах...»

Цифра скорости на мониторе медленно поползла вверх, и мужчина перешел на бег, через какое-то время увеличив угол наклона полотна. Сегментированные подошвы кроссовок из мягкой резины ритмично оттапливались от скользящей ленты беговой дорожки. На лбу бегуна появилась легкая испарина.

«...почти семьсот тысяч школьников оканчивают одиннадцатый класс и более миллиона — девятый... Это выпускники, для которых сегодня прозвучит последний звонок...» — продолжала свой комментарий репортер.

Вскоре на экране замелькали кадры очередной рекламы, и мужчина убавил звук.

В тот же миг зазвонил смартфон, на время тренировки помещенный в спортивный чехол, прикрепленный на предплечье бегуна.

Он немного снизил скорость и достал сотовый.

— Слушаю вас!

— Артемий Андреевич? — послышался в трубке женский голос. — Это Карина Романовна, директор 125-й школы.

— Добрый день, Карина Романовна.

— Простите, вам удобно говорить?

— Да, все нормально.

Артем снизил скорость дорожки, приводя в норму дыхание.

— Как вы помните, наше сегодняшнее мероприятие запланировано на два часа, — сказала директриса.

— Да, разумеется. Два урока с выпускными классами, которые посвящены закону и праву.

— Все верно, я просто хотела внести маленькое уточнение. Так получилось, что о вашем визите узнали очень многие в нашей школе. И родители выпускников тоже очень пожелали попасть на вашу лекцию.

— Никаких проблем.

— В общем, все это торжественное мероприятие мы решили провести в актовом зале, — сказала она. — И вы сэкономите время, и для нашей школы это получится как дополнительный праздник!

— Буду рад оказаться полезным, — улыбнулся адвокат.

— Большое спасибо, что согласились! — обрадовалась Карина Романовна, явно не верившая в такую удачу. — Если честно, я до последнего боялась, что все мероприятие может сорваться... И нам очень приятно, что вы держите свое слово!

— Тогда без пятнадцати два я буду у вас, — пообещал Павлов.

— Будем ждать с нетерпением!

Закончив разговор, он убрал телефон и, отрегулировав скорость тренажера, возобновил бег. Тренировка в любом случае должна быть закончена.

ОТЧИМ

Дмитрий уже не помнил, в какой именно момент в их семье появился Михаил Викторович. По крайней мере, это произошло не сразу после смерти отца. Впрочем, и об отце у Дмитрия остались весьма смутные воспоминания.

Отец постоянно пропадал на работе (он трудился инженером по обслуживанию грузоподъемных механизмов), а вечерами чертил какие-то схемы и графики, мало интересуясь жизнью Дмитрия. Может, раз в пару месяцев он водил его в кино или просто гулять, когда Дима был еще маленьким, и мальчугану уже тогда казалось, что папа испытывал какое-то странное стеснение от подобных мероприятий и с удовольствием засел бы за свои чертежи, вместо того чтобы проводить время с сыном. При этом отец был тихим, спокойным и, к слову, совершенно безотказным, что, в конечном счете, сыграло трагическую роль.

Однажды отца срочно вызвали подменить отсутствующего специалиста, и ему пришлось лезть в лифтовую шахту чтобы устранить какую-то неполадку. Так случилось, что лифт неожиданно начал движение, и отца раздавило.

На похоронах Дима молча смотрел на закрытый гроб, и глаза его были сухие. К тому времени ему уже исполнилось десять, и он отлично знал, что на погребальных процессиях почти всегда плачут, но ему вовсе не хотелось плакать, отчего он чувствовал некое смущение и даже тревогу. Может, с ним что-то не в порядке?! В сущности, папа был хорошим челове-

ком и никогда не обижал ни его, ни, тем более, Вику, которой вообще на момент трагедии исполнилось всего полтора года. Но никакой утраты Дмитрий не ощущал.

Не ощущал, и все, хоть ты тресни.

Мама тоже на удивление быстро взяла себя в руки, и однажды, в один из самых обычных дней, на пороге их дома появился Михаил Викторович. Шумный, самоуверенный, решительный, бескомпромиссный. И буквально с первой встречи он не упускал возможности продемонстрировать свое превосходство по сравнению с отцом по всем фронтам, что, нужно отдать должное, ему удалось.

Отец был молчалив и больше слушал, Михаил Викторович любил находиться в центре внимания, он разговаривал без умолку, то и дело вставляя остроумные шуточки и анекдоты. Отец, хоть и считался технарем по профессии, практически был бесполезным в решении бытовых проблем вроде подтекающего крана или перегоревшей розетки. Михаил Викторович же был, что называется, спецом широкого профиля и легко мог починить любую мелочь в доме. Как-то между делом он даже отметил, что занимался дизайном квартир. С первых дней своего появления он затеял в их доме глобальный ремонт, параллельно начав приводить в порядок дачу.

Но все это делалось с неким косвенным подтекстом — мол, «видали, каков я? Что бы вы делали без меня?!» Вообще, Михаил Викторович обожал, когда к нему шли с просьбой. Оказывал помощь он не сразу, заставляя обратившегося к нему некоторое время терзаться переживаниями — а вдруг не выгорит?

И решалось все в итоге со снисходительным покровительством и завуалированным намеком «будет время — отработаете».

Даже внешне отчим давал несколько очков форы покойному папе. Отец начал рано лысеть, носил очки, был худощавым, с узкими плечами и нескладной фигурой. В противовес ему Михаил Викторович своей внешностью напоминал работягу с лесоповала — крепкий, широкоплечий, с крупными мускулистыми руками, загорелый, с густым ежиком седеющих волос. Если уж копать глубже, то отчим превзошел отца даже по фамилии. Фамилия вообще была для Дмитрия одной из самых болезненных тем, она словно красной нитью проходила через всю его жизнь, чуть ли не с того момента, как он себя помнил.

Он носил фамилию отца — Шлангин.

Что могло быть хуже для парня?! Он ненавидел собственную фамилию всей душой.

«Шланг, шланг!» — смеясь, дразнили его в детском саду.

«Шланг, завяжись узлом!» — кривлялись дети во дворе.

Он надеялся, что в школе обидное прозвище останется в прошлом, но ничего подобного, шутки не исчезли, они стали даже еще злее.

«Шланг, а как у вас принято: сосать, качать или брызгать?»

К слову, у отчима была фамилия Кротов. Тоже не дворянская, но уж куда лучше, нежели «шланг».

За спиной отчима уже был один брак, разведенная жена со взрослой дочерью остались в Белоруссии, куда Михаил Викторович регулярно высылал деньги.

С появлением «нового папы» в доме, как того и следовало ожидать, появились новые порядки и правила, и Дмитрию многие из них пришлось не по вкусу. Ни о каких компромиссах речи вообще не шло — отчим требовал беспрекословного подчинения. В их доме царила армейская установка: «В любой ситуации существует два мнения — мнение Михаила Викторовича и неправильное». За каждую провинность неотвратимо следовало наказание. Отчим цеплялся к Дмитрию по поводу и без повода, и переубедить его в том, что он допускает ошибку, было невозможно в принципе.

Однажды рядом с входной дверью их квартиры появилась корявая надпись — «Шланг — лох». Дмитрий мельком глянул на нее, тут же забыв. Такие мелочи уже не особенно задевали его. Когда тебя постоянно колют булавкой, рано или поздно ты свыкаешься с этим, не придавая этому значения. Конечно, когда острое не проникнет особенно глубоко, усиливая боль.

Возвращаясь после работы, Михаил Викторович, естественно, заметил оскорбительную надпись. Он не спеша переоделся в домашний спортивный костюм, после чего подозвал Дмитрия и заставил его стереть «это дерьмо». Робкие возражения парня, что, мол, почему результаты данного «творчества» должен устранять именно он, не возымели действия, отчим был непоколебим.

Дмитрий вооружился наждачной бумагой (послание было выковыряно гвоздем или иным острым предметом) и со вздохом принялся за работу. Пока он пыхтел, зачищая неуклюже выведенные буквы, Михаил Викторович курил прямо там же, на лестничной клетке.

«А знаешь, почему так все происходит?» — вдруг спросил он.

«Что?» — меланхолично отозвался Дмитрий, орудуя наждаком.

«Не включай дурака! — резко сказал тот. — Нормального пацана никогда не обозвали бы Шлангом. Потому что нормальный пацан не даст себя в обиду».

Дмитрий продолжал молча работать. Все его руки были в зеленой пыли от стертой краски, но царапины на стене еще виднелись.

«Когда я пошел в первый класс, то по росту был самым маленьким, — сообщил отчим, выпуская изо рта кольцо дыма. — И какой-то жирный придурок, услышав мою фамилию, назвал меня Кротом. Я это помню как сейчас».

Дмитрий без особого интереса посмотрел на мужчину, который вальяжно прислонился к дверному косяку, зажав сигарету между указательным и средним пальцами.

«А я как раз недавно книжку про кротов с отцом читал. И знал, что кроты, кроме прочего, питаются червями. И тогда я сказал этому жирдяю: «Если я Крот, то ты Червяк. И сейчас я тебя сожру». А потом я укусил его за руку. Он завизжал, как ошпаренный. Вот так. Меня отругали перед всем классом,

но больше никто и никогда не посмел меня как-то обзывать. Понял?»

Дмитрий кивнул. Отстранившись, он придирчиво разглядывал грязно-зеленое пятно на месте надписи.

«Сойдет, — снисходительно заметил отчим. — Иди, вымой руки. И больше не позволяй этой гадости появляться на стенах»...

...Мать, всегда чувствовавшая себя хозяйкой дома, вдруг как-то незаметно ушла в тень. Сделалась серой мышкой, молчаливой и покорной, во всяком случае, при общении с новоявленным мужем. Теперь в доме все решал Михаил Викторович.

Глухая неприязнь между ним и Дмитрием росла, со временем превратившись в ледяную стену взаимной ненависти. Или, вернее сказать, в ядовитый нарыв, громадный и трясущийся, как желе.

Этот уродливый пузырь лопнул в день рождения отчима, когда тот, изрядно «приняв на грудь» у себя на автомойке с друзьями, домой уже явился пьяным. Конфликт возник буквально на ровном месте. Михаил Викторович сделал резкое замечание Дмитрию, почему он не помогает матери; парень огрызнулся, что это Кротова не касается. Отчим едко заметил, что от Дмитрия глупо что-то ожидать, учитывая его фамилию и происхождение в целом. Мол, «от осинки не родятся апельсинки». А когда парень, вспыхив, бросил, что отчиму следовало бы проявлять хоть какое-то уважение к его умершему отцу, Михаил Викторович послал Дмитрия по матери. Тот не остался в долгу, за что

Кротов, окончательно выйдя из себя, вlepил пасынку оплеуху.

Они были на кухне. Потирая покрасневшую щеку, Дмитрий посмотрел на кастрюлю с запеченной свиной, в которой находилась вилка для мяса. Рука сама потянулась к вилке, и в глазах отчима мелькнуло что-то отдаленно похожее на изумление. Не страх, нет. Всего лишь изумление, вроде: «Как так?! Эта козявка посмела даже подумать об *этом*?!»

Обстановку разрядила Вика, случайно заглянувшая на кухню.

Дмитрий не остался на празднование. Вместо этого он продал в ломбарде золотую цепочку, а вырученные деньги утром следующего дня швырнул в лицо Кротову. Эти деньги были личным вкладом Михаила Викторовича в новый смартфон Дмитрия, и отчим при каждом удобном случае напоминал об этом парню.

С тех пор Дмитрий жил у бабушки. С отчимом он не общался и преспокойно не общался бы еще сто лет, если бы сегодня не произошло страшное с бабушкой.

Лишь огромным усилием воли, после мучительной внутренней борьбы с самим собой он сломался и был готов пойти к отчиму на поклон. Потому что это был последний способ раздобыть деньги на похороны.

Часы из малахита

Дмитрий застал Михаила Викторовича прямо у въезда в моечный бокс — он внимательно рассматривал новенький компрессор, только что выгруженный из

припаркованной рядом «Газели». Экспедитор терпеливо стоял рядом, держа в руках документы. Когда наконец все формальности были улажены и компрессор укатил в глубь бокса, Дмитрий, набравшись храбрости, шагнул вперед. Он уже хотел открыть рот, чтобы поздороваться, как отчим внезапно обернулся.

— Какими судьбами? — сухо поинтересовался он. Свои руки Михаил Викторович демонстративно сунул в карманы светлых хлопчатобумажных брюк.

«Мог бы этого и не делать, — мелькнула у Дмитрия мысль. — Я тоже не горю желанием жать твою руку».

— Здравсте, — выдавил он. — Вам... звонила мама?

Кротов смерил его пронзительным взглядом, и Дмитрий призвал все свое самообладание, чтобы держаться спокойно. Вид у Михаила Викторовича был такой, словно перед ним ползла полудохлая крыса, выбравшаяся из канализационного стока — грязная и гадкая, источавшая непереносимую вонь.

— Идем, — коротко бросил он, зашагав в сторону подсобного помещения, где у него был оборудован крошечный кабинет. — Чаю не предлагаю, — предупредил Михаил Викторович, усаживаясь в кресло. — Надеюсь, ты не обидишься.

Дмитрий покачал головой. Единственный стул в помещении был завален коробками с канцелярскими товарами, и он остался стоять, отчего почувствовал себя униженно. Прямой отказ в чае (в котором, признаться, Свободин и не нуждался) лишь добавил масла в огонь.

«Скорее бы дал денег, и я свалю отсюда», — гулко стучало в мозг.

Некоторое время они просто молча разглядывали друг друга, затем отчим нарушил паузу:

— Да, мама звонила. Сказала, у тебя какие-то проблемы и нужны деньги.

— Бабушка умерла, — глухо произнес Дмитрий.

На гладко выбритом лице Михаила Викторовича не дрогнул ни один мускул.

— Что ж, земля пухом, — обронил он, словно речь шла о погоде. — Я тут при чем?

— На похороны... нужны деньги.

Слова давались Дмитрию тяжело, он словно выплевывал толченное стекло, которым была забита его глотка.

— Но это ведь *твоя* бабушка, — напомнил Кротов, как будто этот факт мог быть оспорен или подвергнут сомнению. — Это твои проблемы, парень. Сначала ты хватаешься за вилку, швыряешь мне в лицо деньги, а теперь приходишь их просить! Где последовательность в действиях? Или ты вообще себя не уважаешь?

Дмитрий стиснул зубы, его лицо пошло красными пятнами.

— Если ты решил проявить принципиальность, за чем пришел? — прямо спросил Михаил Викторович. — Значит, когда тебя припрет, ты готов унижаться?

— Я верну вам деньги... Мне нужно в долг тысяч пятьдесят...

— Ты ушел из дома, — продолжал отчим, будто не слыша пасынка. — Хлопнул дверью, послал меня на три буквы. Жил у бабушки, и, судя по всему, хорошо жил. Теперь она умерла, и ее надо хоронить. Чьи это проблемы? Твои, парень. Не мои.

— Вы дадите денег?

— Я деловой человек и не разбрасываюсь ими, — счел своим долгом напомнить Кротов. — Отдать их тебе означало бы выкинуть их в мусорку. Знаешь почему? Я не даю в долг неудачникам. Именно им ты и являешься, парень. Никто, кроме меня, тебе правду не скажет.

Пальцы Дмитрия сжались в кулаки, но отчим не обратил на это внимания. Или сделал вид, что не заметил.

— У меня твердое правило. Можно сказать, даже девиз, который звучит так: «Никто, кроме тебя», — вещал он, откинувшись на кресле. — Я начал работать в двенадцать лет и знаю цену хлебу. В четырнадцать я помогал отцу в автосервисе, а летом мы с ним строили бани. А ты в эти годы из «ютьюба» не вылезал, ролики всякие дурацкие лайкал. И все потому, что ты по жизни бестолковый лентяй, у тебя нет цели в жизни. И все об этом знают. Понимаешь, в этой жизни или ты, или тебя. Чувствуешь разницу? Надо уметь крутиться, уметь подавлять людей, делать бабки, а ты слюни пускал и уроки зубрил. Мало тебя в школе мутузили. Крепче бы били, может, человеком стал бы. Научился бы бабло поднимать... А так...

Он вздохнул и закончил:

— Шлангом был, шлангом и остался. И смена фамилии тут не поможет. Говно даже в золотом горшке останется говном. Так что разговор закончен, свободен. Как говорится, Свободин свободен.

Довольный собственной шуткой, Михаил Викторович засмеялся.

В глазах Дмитрия потемнело, он слегка пошатнулся.